

На правах рукописи

Лавренченко Мария Леонидовна

**«РЕЧИ» КИЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ XII ВЕКА
(источниковедческое исследование)**

специальность 5.6.5 – историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 2021

Работа выполнена в Отделе истории Византии и Восточной Европы
Федерального государственного бюджетного учреждения науки Ин-
ститут всеобщей истории Российской академии наук

Научный руководитель: Гимон Тимофей Валентинович
доктор исторических наук

Официальные оппоненты: Кузнецов Андрей Александрович
доктор исторических наук,
профессор Нижегородского государ-
ственного университета
им. Н.И. Лобачевского

Лукин Павел Владимирович
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института российской истории РАН

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования «Российский госу-
дарственный гуманитарный университет»

Защита состоится 6 декабря 2021 г. в 12 ч. на заседании диссертаци-
онного совета 24.1.042.01 Института всеобщей истории Российской
академии наук по адресу: 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32а,
ауд. 1406.

С диссертацией можно ознакомиться в научном кабинете Институ-
та всеобщей истории РАН и на сайте <http://www.igh.ru>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

Тогоева Ольга Игоревна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Киевскую летопись без преувеличения можно назвать одним из основных источников по истории домонгольской Руси: практически ни одна работа, затрагивающая этот период, не обходится без ее использования. При этом с источниковедческой точки зрения Киевская летопись остается одной из наименее изученных. Нет единого мнения о том, каким образом она создавалась, сколько текстов лежат в ее основе, все ли они были летописями, в какой последовательности были использованы, сколько раз редактировался итоговый текст и когда он приобрел свою окончательную, дошедшую до нас форму.

Название «Киевская летопись» утвердилось за центральной частью Ипатьевской летописи – общерусского свода, сохранившегося в южнорусской редакции конца XIII – начала XIV веков. Всего известно шесть списков этой летописи, два из них являются основными: Ипатьевский и Хлебниковский, и четыре восходят к Хлебниковскому: Погодинский, Ермолаевский, список Яроцкого и Краковский.

В составе Ипатьевской летописи Киевская летопись продолжает «Повесть временных лет», предшествует Галицко-Волынской летописи и охватывает погодные статьи с 1118 (6626) по 1200 (6708) год. Киевскую летопись отличают значительный объем, детальность, разнообразие и разнохарактерность содержащейся в ней информации – исследование любого аспекта жизни средневековой Руси от политики и военного дела до дипломатии и культуры неизбежно потребует обращения к этому тексту.

До статей 70-х гг. XII века (частично – до статей 90-х гг. XII в.) Ипатьевская и Лаврентьевская летописи содержат пласты общего текста, при этом текст Ипатьевской летописи гораздо более пространен, чем текст Лаврентьевской летописи. Порой склейка этого общего источника с другими пластами Киевской летописи маркируется несостыковками, нарушением грамматического согласования, повторами. Каким образом соотносятся эти два текста, какой из них первичен? – пожалуй, наиболее дискутируемый вопрос в изучении этого источника. Текст, оригинальный для Киевской летописи, описывает события в различных русских землях, но характеризуется, прежде всего, вниманием к событиям, происходившим в Киеве. В историографии нет общего мнения о количестве входящих в него локальных источников, так же как и о времени и особенностях его составления, в настоящей рабо-

те он обозначается как основной (оригинальный) источник Киевской летописи.

Одной из наиболее ярких особенностей Киевской летописи является множество княжеских диалогов и посланий, оформленных в тексте как прямая речь: в наиболее обширных статьях 6654 (1146) – 6660 (1152)¹ годов их число значительно возрастает. Эти элементы текста являются предметом многолетней дискуссии: их происхождение признается то безусловно устным, то столь же безусловно письменным, а содержание – то отражающим политические реалии XII века, то – литературные предпочтения летописца.

Так как в Киевской летописи послания князей друг к другу и к другим правителям, равно как и их диалоги между собой обозначаются как «речи»², а среди исследователей нет единого мнения о том, какую форму они имели в действительности, представляется целесообразным взять обозначение самого источника. В данной работе под «речами» подразумеваются любые высказывания политических и духовных лиц, оформленные в летописи как прямая речь, вне зависимости от степени их пространности и обстоятельств произнесения – при непосредственном участии в живом диалоге или передаче через послов.

Княжеские «речи» Киевской летописи не находят прямых аналогов в произведениях античных или средневековых хронистов и писателей. Бросается в глаза значительный объем некоторых из них, но при этом в большинстве случаев княжеские изречения лишены торжественных, пышных эпитетов и других атрибутов, присущих правительственной переписке. Очевидно, что интересующие нас диалоги и послания находятся в зависимости от характера содержащего их летописного текста, особенности которого меняются с ходом повествования. Наиболее полные «речи» содержатся в пластах текста с более подробным описанием событий, содержащим многочисленные детали передвижений войск, переговоров князей, действий послов, и, без сомнения, инкорпорирование в летопись еще и княжеских посланий и диа-

---

¹ Обозначение годовых статей в этой части Киевской летописи соответствует мартовскому стилю, при этом большинство указанных статей «захватывают» и события соседних лет, поэтому принятые датировки можно использовать лишь для условного обозначения. Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 144–156.

² Например: «Иванко же възмя тажкы рѣчи и иде къ князю Ростиславу». ПСРЛ. Т. 2. Стб. 503; «Изяславич Мъстиславъ... розгнѣвався на стрѣя своего, на Ростислава, и много рѣчи вѣста межи ими». Там же. Стб. 519.

логов является следствием стремления автора к детализации.

Обилие княжеских «речей» в Киевской летописи, привлекательность содержащейся в них информации для историков показывают важность их изучения: были ли они внесены в текст с определенной целью, отражает ли стремление их использовать позицию определенного автора, какой ситуацией это могло быть спровоцировано, с какой вероятностью они могли быть искусственно сконструированы? Если же «речи» отражают содержание реальных посланий – какие механизмы могли послужить для фиксации и последующей записи их содержания в текст Киевской летописи? Обращение к этим вопросам превращает княжеские «речи» XII века в удобное поле для отработки приемов изучения посланий и прямых диалогов правителей и других исторических лиц в составе летописного текста, а также сравнительно-исторического анализа текстов, содержащих дипломатические послания и переговоры различного характера.

Объект диссертационного исследования – текст Киевской летописи.

Предмет исследования – летописные, а также дипломатические и социально-политические практики (летописная фиксация «речей», их редактирование, отправка и прием послов, встречи князей, заключение ими соглашений и их разрыв, установление новых политических отношений).

Хронологические рамки определяются историческим охватом Киевской летописи и ограничены 1120–1190-ми годами. В качестве сравнительного материала в работе привлечен ряд древнерусских текстов, относящихся к периоду с конца XI по XV век.

Территориальные рамки исследования включают все древнерусские земли: в первую очередь, Киевское княжество, где была создана Киевская летопись, и где, по всей вероятности, пополнялся на протяжении XII в. ее основной источник, Новгородские и Псковские земли, Суздальское (с середины XII века – Великое княжество Владимирское), Смоленское, Черниговское, Галицкое и Волынское (около 1200 года объединенные Романом Мстиславичем в одно), Туровское, Переяславское и Рязанское княжества. В качестве сравнительного материала привлекаются источники, созданные в соседних средневековых европейских государствах: в Королевстве Венгрия, в Польше, Чехии, Византийской империи.

Цель диссертационной работы – выяснение специфики княжеских «речей» Киевской летописи как исторического источника. Иными словами, в работе ставится вопрос: чем являются эти «речи» – копиями

дипломатических документов, протокольной записью реальных переговоров, имитацией протокольной записи либо продуктом чисто литературного творчества (и в какое время эти тексты были записаны – вскоре после описываемых событий или в момент окончательного сложения Киевской летописи на рубеже XII–XIII вв.)? От ответа на этот вопрос зависит то, как историки могут использовать эти тексты и содержащуюся в них информацию: в какой степени «речи» отражают реальную политическую историю и дипломатические практики Руси XII в. Исходя из поставленной цели, были сформулированы конкретные **исследовательские задачи**:

1. Критически изучить историографию вопроса (двумя главными направлениями которой являются текстологическое изучение Киевской летописи и дискуссия о природе содержащихся в ее тексте «речей»).

2. Выявить и рассмотреть распределение в тексте Киевской летописи устойчивых сочетаний, передающих суть соглашений Рюриковичей (договорных формул).

3. Изучить формы и типы использования в княжеских «речах» Киевской летописи терминов родства в качестве обращений и в составе устойчивых оборотов – одного из наиболее часто встречающихся и наиболее чутко реагирующих на изменения политической ситуации элементов.

4. Проанализировать информацию о характере действий послов и княжеских представителей в Киевской летописи, изучить особенности передачи посланий Рюриковичей (как они показаны в летописном повествовании), а также специфику княжеских соглашений и диалогов, состоявшихся при непосредственной встрече участников.

5. Сравнить полученные результаты с данными других источников XII века, прежде всего – двух древнейших русских летописей: Лаврентьевской и Новгородской первой, а также берестяных грамот, произведений духовной литературы и более поздних источников.

Источниковую базу исследования составляет, в первую очередь, Киевская летопись, т.е. текст Ипатьевской летописи (по Ипатьевскому и Хлебниковскому спискам) с 1118 (6626) по 1200 г (6708) год³.

В качестве дополнительных источников в диссертации привлекались:

1. Другие древнейшие русские летописи: «Повесть временных лет»,

---

³Текст статьи 6706 (1198/9) г. Киевской летописи в Ипатьевском списке искусственно разделен: появились последние статьи 6707 (1199) г. и 6708 (1200) г, хотя повествование явно относится к одному, 6706 (1198/9) году.

Галицко-Волынская летопись (текст Ипатьевской летописи за XIII в.), Лаврентьевская, Новгородская первая.

2. Духовная литература домонгольского периода: Житие Феодосия Печерского, Житие преподобной Евфросинии Полоцкой, памятники древнерусского канонического права, Киево-Печерский патерик.

3. Хроники и сохранившиеся послания центрально- и западноевропейских средневековых государств: дипломатический кодекс венгерских королей и епископов (*Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*), Хроника Козьмы Пражского (Чехия), Хроника Винцентия Кадлубка (Польша), Хроника Роджера Ховеденского (Англия) и другие.

4. Берестяные грамоты.

5. Документальные источники XIII–XVI вв.: договорные грамоты Великого Новгорода и Пскова XIII–XIV вв., духовные и договорные грамоты великих и удельных князей Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв.

Теоретико-методологическая база исследования. Методологической основой исследования служит представление об историческом источнике как о результате целенаправленной деятельности человека⁴, замысел, представления об общественных устоях и традициях которого можно проследить при изучении источника. Принципы работы с летописным текстом, сформулированные в работах А.А. Шахматова, М.Д. Приселкова, Д.С. Лихачева, А.Н. Насонова⁵, касающиеся выделения использованных сводчиком ранних текстов, элементов, позволяющих определить личные особенности авторов, были взяты за основу и настоящей работы. Учитывая характер проблематики, данное исследование базируется, в первую очередь, на сравнительно-текстологическом и сравнительно-историческом методах, обеспечивающих сопоставление дипломатических практик различных временных этапов и территорий.

Особенности «речей» Киевской летописи создают ряд методологических сложностей, к каковым можно отнести: неравномерность распределения в тексте летописи, отсутствие регламентированного размера, случаи цитирования одной «речи» в составе другой, их повтор.

---

⁴ Медушевская О.М. Теория, история и метод источниковедения // Источниковедение: Теория, история и метод / И.Н.Данилевский, В.В.Кабанов, О.М.Медушевская, М.Ф.Румянцева. М., 1998 С. 26–27.

⁵ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; Приселков М.Д. История русского летописания XI–XVI вв. СПб., 1996; Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.–Л., 1947; Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969.

Подсчет числа «речей» в летописи осложняется тем, что одно и то же послание может быть приведено в ее тексте несколько раз, в ряде «темных» мест разделение нескольких «речей» затруднительно. Эти обстоятельства определили выбор методики, которая фокусируется на изучении наиболее постоянных элементов в составе рассматриваемых «речей»: устойчивых сочетаний, которые передают суть действительных политических княжеских договоров XII века⁶, оборотов, тем или иным способом указывающих на квазиродственные отношения или содержащих метафору родства, а также терминов родства в обращениях. Далее в работе устойчивые сочетания княжеских соглашений для краткости называются «договорными формулами»⁷ – по сути содержания (отсылают к заключенному ранее соглашению или цитируют его) а не по типу источника, в составе которого они находятся. Все выбранные элементы относятся к стереотипным повторяющимся языковым структурам и семантически тесно связаны между собой. Их универсальность, постоянство и высокая частотность в выбранном источнике позволяют рассматривать княжеские «речи» при помощи сравнительного метода и выявить характер, интенсивность, разнообразие и изменения в арсенале устойчивых оборотов и родовой лексики на протяжении повествования летописи, а также в дополнительных источниках, которые были привлечены в работе.

Проведение сравнительного анализа использования интересующих нас элементов в Киевской летописи, а его результата – с данными других источников различных типов, как хронологически близких, так и далеких, позволит выявить и конкретизировать ряд особенностей формирования исследуемой летописи.

Степень изученности проблемы. Изучение Киевской летописи длится уже более ста восьмидесяти лет. Историки обращались к иссле-

---

⁶ Описания таких договоров или отсылки на них содержатся в повествовательной части Киевской летописи.

⁷ В данной работе под «формулой» понимается любое устойчивое словосочетание, сохраняющее или незначительно меняющее свою форму в разных контекстах, в этом мы следуем определениям И.П. Еремина «устойчивая формула» и О.В. Творогова «традиционная формула». Последний подверг критике определение Д.С.Лихачева «стилистический трафарет», заранее предполагающее литературную природу этого языкового элемента. Рассмотрение особенностей использования этих определений – в статье О.В. Творогова: Творогов О.В. Традиционные устойчивые сочетания в Повести временных лет // Труды отдела древнерусской литературы. М.–Л., 1962. Т.18. С. 277.

дованию содержания, текстологии, характера составления летописи, ее лексики, проводился лингвистический анализ ее текста, в научных трудах активно использовался весь объем информации, который она содержит. В работах историков XIX века: В.М. Перевощикова, Н.И. Костомарова, Н.К. Бестужева-Рюмина и И.П. Хрущова⁸ был сделан ряд наблюдений, существенных для понимания характера и состава этой летописи, были выделены основные ее особенности и намечены важнейшие вопросы, прежде всего – о времени ее составления и соотношения с Лаврентьевской летописью. Важный этап изучения Киевской летописи связан с трудами А.А. Шахматова⁹, который впервые предложил схему соединения ее источников в общий свод, описал их особенности, время и место возможного составления.

На протяжении XX в. Киевская летопись постоянно вызывала интерес исследователей: ей уделялось большое внимание в трудах М.Д. Приселкова, Д.С. Лихачева, И.П. Еремина, А.Н. Насонова, Б.А. Рыбакова и В.Ю. Франчук¹⁰, где были высказаны новые предположения о том, какие источники лежат в ее основе, кем были их возможные составители, подробно изучались лексика и жанры сообщений, содержащихся в ее тексте.

Целый ряд работ начала XXI века позволил по-новому взглянуть на проблематику интересующего нас источника: в трудах Т.Л. Вилкул, А.П. Толочко и В.Ю. Аристов¹¹ получили развитие вопросы о време-

---

⁸ Перевощиков В.М. О русских летописях и летописателях по 1240 г.: Материалы для истории российской словесности. СПб., 1836; Костомаров Н.И. Лекции по русской истории. Источники русской истории. СПб., 1861. Ч. 1; Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868; Хрущов И.П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI–XII столетий. Киев, 1878.

⁹ Шахматов А.А. Обзорение летописных сводов XIV–XVI вв. М.–Л., 1938; Он же. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916.

¹⁰ Приселков М.Д. История русского летописания XI–XVI вв.; Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение; Еремин И.П. Киевская летопись как памятник литературы // Труды Отдела древнерусской литературы. М.–Л., 1966. № 6. С. 67–97; Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969; Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963; Франчук В.Ю. Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986.

¹¹ Вилкул Т.Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век // *Paleoslavica*. 2005. Vol. 13/1. С. 21–80; Толочко А.П. О времени создания Киевского свода 1200 г. // *Ruthenica*. 2005. Вип. 5. С. 73–

ни и месте составления Киевской летописи, количестве вошедших в нее местных летописей и соотношении ее текста с Лаврентьевской летописью.

Несмотря на уникальность княжеских «речей» Киевской летописи, они нечасто оказывались в фокусе внимания исследователей в качестве цельного комплекса текстов. Д.С.Лихачев и И.П. Еремин рассматривали эти «речи» как важную особенность летописного текста, отражающую бытовавшую в домонгольский период практику устной передачи посланий, авторы отмечали яркость и образность их текстов, но подчеркивали их документальный характер. В работах Б.А. Рыбакова, В.Ю. Франчук и А.В. Юрасовского¹² наиболее пространственные «речи» выделялись в качестве самостоятельных «грамот» правителей и извлекались из летописи в качестве отдельных документов. Многие выводы этих исследователей были подвергнуты критике в трудах Я.Р. Дашкевича и С. Франклина¹³, которые выдвинули ряд аргументов в пользу устной передачи посланий князей в домонгольский период и, кроме того, сделали ряд ценных наблюдений о том, как проводилась процедура передачи таких посланий, как поступали послы в разных ситуациях, и какие сложности перед ними возникали. Некоторые вопросы, касающиеся особенностей княжеских посланий Киевской летописи и возможных способов их передачи, а также работы летописца, получили освещение в недавних работах Т.В. Гимона и В.В. Тишина¹⁴.

При этом от внимания ученых часто ускользали краткие формы

87; Аристов В.Ю. Проблемы происхождения сообщений Киевской летописи // *Ruthenica*. 2010. Вип. 10. С. 117–136.

¹² Юрасовский А.В. К вопросу о степени аутентичности венгерских грамот XII в. Ипатьевской летописи // *Древнейшие государства на территории СССР*. 1981 г.: Материалы и исследования. М., 1983. С. 189–194; Он же. Грамоты XI–середины XIV века в составе русских летописей // *История СССР*. 1982. № 4. С. 141–150

¹³ Дашкевич Я.Р. Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси // *История СССР*. 1991. № 4. С. 100–111; Franklin S. Literacy and Documentation in Early Medieval Russia // *Speculum*. 1985. Vol. 60/1. P. 1–38.

¹⁴ Гимон Т.В., Тишин В.В. Тюркская формула приветствия в древнерусской летописи (посольство половцев к Святославу Ольговичу в 1147 г.) // *Древнейшие государства Восточной Европы* 2019. М., 2020. С. 267–296; Гимон Т.В. К вопросу о княжеских посланиях в Киевском своде (XII в.) // *Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто*. М., 2018. С. 64–71; Guimon T.V. Historical Writing of Early Rus (c. 1000 – c. 1400) in a Comparative Perspective. Leiden; Boston, 2021.

«речей» и княжеские диалоги, имевшие место при непосредственной встрече князей, при рассмотрении процедуры отправления и принятия посольства упускались повторяющиеся и детально представленные в летописи описания этих миссий.

Лингвистический анализ Киевской летописи, проведенный А.А. Зализняком, показал, что диалоговая часть летописи отличается от повествовательной языковыми особенностями, которые сближают ее с берестяными грамотами. Ряд специфических черт, также близких берестяным грамотам, был выделен А.А. Гиппиусом¹⁵.

В исследовании княжеских «речей» Киевской летописи одним из наиболее дискутируемых продолжает оставаться вопрос о характере их первоисточников – были ли они письменными или устными, каким образом и на каком этапе были зафиксированы писцом и насколько полно попали в летопись. Соотношение устного и письменного в средневековом источнике – одна из наиболее богатых сфер исследования в современном источниковедении, и в этой области накоплен немалый опыт. В первую очередь, он касается выявления устных элементов, попавших в текст: формул, устойчивых выражений, стереотипных построений и др. Эта проблематика получила освещение в работах Д.С. Лихачева, О.В. Творогова, Е.А. Мельниковой, Т.Н. Джаксон, А.С. Щавелева¹⁶. Такие языковые формы, еще в тот момент, когда они

---

¹⁵ Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. 2008.С. 91; Гиппиус А.А. Наблюдения над этикетными формулами берестяных писем // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре. М., 2009. С. 288–289.

¹⁶ Лихачев Д.С. Русский посольский обычай в XI–XIV вв. // Исследования по древнерусской литературе / Отв. ред. О.В. Творогов. Л., 1986; Творогов О.В. Традиционные устойчивые сочетания в Повести временных лет // Труды отдела древнерусской литературы. М.Л., 1962. Т.18. С. 277–284. Мельникова Е.А. Парные синонимические словосочетания в русско-византийском договоре 911 г. и древнескандинавских юридических текстах // Древнейшие государства Восточной Европы. 2019–2020 годы: Дипломатические практики античности и средневековья / Отв. ред. тома Б.Е. Рашковский. М., 2020. С. 84–102; Джаксон Т.Н. От устной коммуникации к письменной: ситуация в средневековой Норвегии в освещении исландских саг // Древнейшие государства Восточной Европы. 2017–2018 год: Ранние формы и функции письма / Отв. ред. тома Т.В. Гимон. М., 2019. С. 169–195; Щавелев А.С. Устные сказания в композиции начальной части «Повести временных лет», Новгородской первой летописи, Хроник Галла Анонима, Козьмы Пражского // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его текст. XVI Чтения памяти члена-

были частью устной речи, служили в качестве мнемонических приемов, обеспечивавших запоминание и узнавание конструкций, кроме того, часто они были значимыми элементами политического языка, зафиксированными на ранних стадиях его развития, клятвенная природа некоторых содержащих их высказываний обусловила сакральный характер их функционирования.

Устные и письменные тексты формируются в разных условиях, что неизбежно отражается в их структуре, порядке организации изложения информации, что было подробно рассмотрено в работах В.М. Живова¹⁷. Устная диалогическая коммуникация ориентирована на саму ситуацию в противоположность письменной, которая следует логическому развертыванию текста, что применительно к интересующему нас периоду можно увидеть на материале берестяных грамот¹⁸. Именно эта особенность создает известные сложности при изучении «речей» Киевской летописи, но и одновременно может служить дополнительным критерием при изучении характера формирования сообщений источника.

Помимо приведенных в тексте летописи княжеских «речей», летописцем описаны – уже в повествовательной форме – многочисленные дипломатические и социальные, а порой и ритуальные практики, например, присутствие на переговорах послов других правителей, торжественные встречи и выезды, обмен дарами, пиры, сопровождавшие переговоры и др. Особенности политического взаимодействия Рюриковичей, характер их изменений получили широкое освещение в работах В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнина, О.М. Рапова, М.Б. Свердлов, В.А. Кучкина, В.Б. Кобрина, Н.Ф. Котляра, А.А. Горского, А.В. Назаренко, Д.А. Боровкова¹⁹. Ритуальные и коммуникативные особенности

корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 14–16 апр. Мат-лы конф. М., 2004. С. 211–217.

¹⁷ Живов В.М. История языка русской письменности. М., 2017. Том 1. С. 23–24; Живов В.М. Деловой язык средневековой Руси и синтаксис берестяных грамот // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. Мат-лы междунар. конференции. Великий Новгород, 24 – 27 сен. 2001 г. / под ред. В.Л. Янина. М., 2003. С. 284–295.

¹⁸ Гиппиус А.А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот. // Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1997–2000 гг. М., 2004. Т. 11. С. 191.

¹⁹ Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977; Пашуто В.Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; Черепнин Л.В. Обще-

взаимодействия Рюриковичей были изучены П.С. Стефановичем, А.С. Щавелевым²⁰, генеалогические аспекты – А.В. Назаренко, Д. Домбровским, Ф.Б. Успенским, А.Ф. Литвиной, Е.В. Пчеловым²¹. Использование Рюриковичами терминов родства во вторичном значении²² получило детальное освещение в трудах С.М. Соловьева²³, Я.А. Голяшкина²⁴, А.Е. Преснякова²⁵, В.Т. Пашуто²⁶, А.В. Назаренко²⁷.

ственно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983; Он же. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI—первой трети XIII вв. СПб., 2020; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984; Он же. Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX—XIII веках // Отечественная история. 2003. № 3. С. 71–80; Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985; Котляр Н.Ф. Удельная раздробленность Руси. М., 2017; Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004; Назаренко А.В. Порядок престолонаследия на Руси X—XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Древняя Русь. М., 2000. Т. 1. С. 500–519; Боровков Д.А. Междукняжеские отношения на Руси конца X – первой четверти XII века и их репрезентация в источниках и историографии. СПб., 2015.

²⁰ Стефанович П.С. Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. М. 2004. Вып.5. С. 86–113; Щавелев А.С. Съезды князей как политический институт Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 г. Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 268–278.

²¹ Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII веков. М. 2001; Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.) / Пер. и вступ. слово. К.Ю. Ерусалимского и О.А. Остапчук, СПб., 2015; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропониимики. М., 2006; Пчелов Е.В. Генеалогия древнерусских князей IX — нач. XI в. / Отв. ред. О.М. Медушевская. М., 2001.

²² Т.е. использование ими терминов прямого кровного родства «отец», «брат», «сын» по отношению к более дальним родственникам или свойственникам.

²³ Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрика дома. М., 2003. С.12–18; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 2. М., 1993.

²⁴ Голяшкин Я.А. Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII века (в связи с воззрениями родовой теории) // Издания истори-

При анализе княжеских «речей» в рамках серии социальных ситуаций, в которых они рождались, их исторический контекст рассматривается в данной работе с точки зрения того, как в них осознанно конструировались и укреплялись связи, как предпринимались шаги к завершению конфликта²⁸. Эти и другие вопросы имеют непосредственное отношение и к проблемам времени и причин создания летописи, а также ее возможных источников, и к прояснению тех обстоятельств, которые инициировали внесение «речей» в ее текст.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в фокусе основного исследования оказываются «речи» Киевской летописи, к которым относятся княжеские послания, изречения и диалоги, происходившие при встрече участников. Эти тексты впервые рассматриваются в максимально широком объеме, без смещения акцента на собственно посольские послания, диалоги при встрече, краткие формы «речей». Это позволяет впервые напрямую обратиться к целому ряду вопросов, ранее остававшихся вне поля внимания исследователей, изучавших Киевскую летопись, в т.ч. какие именно социальные ситуации спровоцировали их появление в источнике, как работал летописец, инкорпорируя их в текст летописи, что могло вызвать увеличение их числа, или, наоборот, спад? Также впервые по отношению к тексту Киевской летописи применен метод комплексного анализа стереотипных, часто встречающихся в «речах» элементов, благодаря результатам которого удалось более отчетливо увидеть разнохарактерность

ческого общества при императорском Московском Университете. Рефераты, читанные в 1896 и 1897 гг. М., 1898. Т. 2. С. 211–226.

²⁵ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.

²⁶ Пашуто В.Т. Черты политического строя Древней Руси. С. 57–58.

²⁷ Назаренко А.В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X—XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: Мат-лы и исслед., 1985 год. М., 1986. С. 149–157; Назаренко А.В. Порядок престолонаследия на Руси X—XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Древняя Русь. М., 2000. Том 1. С. 500–519.

²⁸ В этом смысле фокус рассмотрения социальных и политических связей в исследуемом обществе близок анализу «общества клятв» работ Ларса Хермансона: Hermanson L. Friendship, Love, and Brotherhood in Medieval Northern Europe, с. 1000–1200. Boston, Leiden. 2019. P. 111–139; Hermanson L. Introduction // Rituals, Performatives, and Political Order in Northern Europe с. 650–1350 / Ed. by W. Jezierski, L. Hermanson, H. J. Orning, T. Småberg. Turnhout, 2015. P. 1–40.

отдельных пластов текста, показать, как отдельные его блоки соотносятся между собой, высказать предположения о возможных целях летописца, понимании им собственной работы.

Практическая значимость исследования. Пространная, наполненная деталями Киевская летопись является важнейшим источником по истории домонгольской Руси. В этом смысле ее источниковедческая характеристика (и в частности – вопрос о степени достоверности описания в этой летописи событий, таких как, например, княжеские переговоры и соглашения) чрезвычайно важна для историков этого периода. Выяснение природы и статуса княжеских «речей» Киевской летописи имеет большое значение и для характеристики их как лингвистического источника.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при написании исторических, историографических, текстологических и обобщающих научных и научно-популярных работ, при подготовке лекционных курсов по отечественной истории и источниковедению в ВУЗах и дополнительных уроков углубленного изучения истории в старших классах школ и колледжей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Краткий обзор истории изучения Киевской летописи показал отсутствие согласия между исследователями в вопросах, касающихся ее составления, необходимость нового обращения к изучению ее текста, прежде всего – сохранившихся в ее составе «речей» Рюриковичей.

2. При рассмотрении одного из важнейших атрибутов княжеских «речей» Киевской летописи – договорных формул – на всем протяжении повествования выявляется целый ряд особенностей, которые можно объяснить лишь поэтапным характером написания ее основного источника. Разница в арсенале устойчивых словосочетаний, увеличение и спад интенсивности их употребления в различных группах статей показывают, насколько различны были представления летописцев, пополнявших на разных этапах записи основного источника Киевской летописи, о том, какие формулировки использовались в княжеских соглашениях. Очевидно, что их инкорпорирование в текст не могло быть проведено одновременно одним лицом. Более того, можно видеть, что степень детализации при внесении в летопись сути соглашений, да и самих «речей», в различных пластах текста существенно различается.

3. Родовая лексика в составе устойчивых сочетаний и в обращениях наиболее полно представлена в княжеских посланиях Изяслава Мстиславича, в последующих текстах частота и разнообразие исполь-

зования терминов родства в этикетном значении существенно снижаются, а их использование в составе стереотипных оборотов сводится к нескольким случаям. Употребление в Киевской летописи терминов родства в обращениях носит персонифицированный характер – можно выявить целый ряд форм, в т.ч. парных, которые предпочитали применять конкретные исторические лица. Это также свидетельствует о поэтапном внесении информации в летопись, которая зафиксировала представления разных летописцев об этикетных практиках использования терминов родства в княжеской среде. Стоит отметить, что важность упоминания о выбранном князем обращении соответствует представлениям каждого, кто пополнял интересующий нас источник, в то время как интенсивность использования оборотов, содержащих родовую лексику, носит неравномерный характер.

4. Авторы Киевской летописи описывали передачу княжеского послания как устный акт, используя глаголы «рещи», «молвити», «глаголити». Несмотря на это, в историографии в течение длительного времени доминировало убеждение о том, что в действительности эти послания были письменными. Наличие в «речах» Рюриковичей множества устойчивых договорных формул и оборотов, относящихся к характерным для Средневековья мнемоническим приемам, говорит в пользу того, что составители скорее опирались на устные высказывания; рассмотренные в работе особенности контекста этих «речей» в летописи свидетельствуют о том, что и для самого летописца важным был именно устный аспект передачи посланий. Динамизм диалогов правителей в Киевской летописи и их краткость в определенных случаях также показывают ориентацию того, кто вносил их в источник, на устный пересказ.

5. Формулы княжеских договоров и термины родства, использованные в «речах» Киевской летописи, также встречаются в текстах за XII – XIII вв. Новгородской первой и Лаврентьевской летописей. Принципы использования терминов родства в этикетном значении в этих летописях не отличаются от зафиксированных Киевской летописью. В духовной литературе, для которой также характерно использование родовой лексики, можно видеть ряд близких диалогам Рюриковичей Киевской летописи способов ее употребления, например, применение двойных терминов родства (хотя ее значение, разумеется, различается), что подкрепляет версию о том, что основным источником Киевской летописи был составлен в одном из монастырей Киева, вероятнее всего – в Киево-Печерском. Тот факт, что значительная часть договорных формул Киевской летописи вошла в стандартную форму

соглашений хронологически значительно более поздней эпохи XIV–XV вв., подвергает сомнению их искусственное конструирование автором конца XII в.

Апробация работы. Материалы диссертационного исследования были представлены на докладах на конференциях: ежегодной международной конференции «Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе» (2013–2016 гг.), ежегодной международной конференции молодых ученых «Colloquia Russica» (2012, 2016–2019 гг.), ежегодной международной конференции «Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т.Пашуто «Восточная Европа в древности и средневековье» (2016–2018, 2020 гг.), на международной конференции в Варшаве «Ruś w erze najazdów mongolskich (1223–1480)» («Русь в эпоху Монголов (1223–1480)») в 2013 году, на международном медиевистическом конгрессе («International Medieval Congress») в Лидсе в 2013 году, на Круглом столе памяти А. А. Молчанова «Silentium aurum est» в 2018 году, на международной конференции «Christian Russia in the Making» памяти Анджее Поппэ в Варшаве в 2020 году, на конференции «Русь и Латинская Европа в Средние века: контакты, влияния, конфликты» в 2021 в Москве. Результаты исследования изложены в 21 публикации, 4 из них – в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций, рекомендованный ВАК.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы и списка принятых сокращений.

Во **введении** к диссертации говорится о научной значимости исследования, обозначаются его предмет и объект, хронологические рамки, цель и задачи, описываются структура работы и методы исследования.

Первая глава диссертации «**Историография Киевской летописи**» содержит подробный очерк истории изучения Киевской летописи.

В **параграфе 1.1** дается краткая информация об Ипатьевской летописи (составной частью которой является Киевская летопись) и ее сохранившихся списках, приведена история публикаций Киевской летописи: от издания Ипатьевского списка 1843 года Археографической

комиссией под руководством Я.И. Бередникова²⁹ до отдельного издания Киевской летописи И.С. Юрьевой в 2017 году³⁰.

В параграфе 1.2 излагается история изучения текста Киевской летописи, в т.ч. дореволюционного времени (работы Н.И. Костомарова, Н.К. Бестужева-Рюмина, И.П. Хрущова), отдельное внимание уделяется исследованиям А.А. Шахматова, М.Д. Приселкова, Д.С. Лихачева, И.П. Еремина, А.Н. Насонова, Б.А. Рыбакова, В.Ю. Франчук, Т.Л. Вилкул, Ф.Мушара, А.П. Толочко, В.Ю. Аристова, лингвистическим наблюдениям И.С. Юрьевой.

В параграфе 1.3 излагается история изучения собственно «речей» Киевской летописи, в т.ч. приводятся тезисы тех исследователей, которые считали, что изначально эти «речи» были устными (Д.С. Лихачева, Я.Р. Дашкевича) и тех, которые полагали, что они были переписаны в летопись с пергаменного носителя (Б.А. Рыбакова, В.Ю. Франчук, А.В. Юрасовского).

Во второй главе «**Княжеские “речи” Киевской летописи. Договорные формулы**» рассматриваются основные особенности и исторический контекст княжеских «речей» Киевской летописи, а также содержащихся в их составе договорных формул. В этой части работы затрагивается динамика встречаемости и разнообразие данных языковых элементов в Киевской летописи, а также в других источниках, приводимых в качестве сравнительного материала.

Параграф 2.1 посвящен особенностям «речей» Киевской летописи, существенным для понимания контекста появления в летописи договорных формул. Объем таких «речей» может варьировать от нескольких слов до пятнадцати летописных строк в Ипатьевском списке. Статьи 6654 (1146) – 6660 (1152) годов содержат большее количество княжеских «речей», чем остальной текст, значительная часть этого объема посвящена деятельности Изяслава Мстиславича, в нем приводится его пространная пересылка «речами» и с ближайшими родственниками, и с польскими и венгерскими союзниками, и с крупнейшими противниками. Большинство «речей» относятся к уникальной части Киевской летописи и не дублируются в Лаврентьевском списке. В дальнейшем повествовании Киевской летописи число «речей» в тексте заметно снижается, увеличение их количества можно видеть в статьях конца XII века, описывающих деятельность Ростислава Рюриковича.

---

²⁹ ПСРЛ. Т.2. СПб, 1843.

³⁰ Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьевой. М., 2017.

При обращении к историческому контексту интересующего нас явления, стоит отметить, что Рюриковичи, несомненно, имели возможность посылать «речи» в письменной форме, но не обязательно воспользовались ею: основная часть переговоров происходила при личном присутствии князей на сменах, поэтому позднее можно было устно сослаться на суть достигнутых договоренностей, подтверждая или отказываясь от них. Устная передача текстов имела и важное юридическое значение благодаря ее публичному характеру. Бояре, знатные горожане, другие князья или их доверенные лица, присутствовавшие при отправлении посла, являлись свидетелями искренности намерений отправителя, и как следствие – гарантами их выполнения. В этом смысле откомандирование посольства представляло собой образцовый средневековый ритуал, а в случае невыполнения соглашения именно от свидетелей ожидалось участие в обвинении отступника. Вероятно, полного текста послания во многих случаях просто не существовало, а летописец записывал со слов информанта суть достигнутых соглашений, которые были не дословным пересказом требований князя, а результатом нескольких этапов переговоров.

В параграфе 2.2 выделены основные договорные формулы Киевской летописи, рассмотрены особенности их появления в тексте и политический контекст употребления. Это краткие, образные обороты, призванные выразить единство и общность интересов тех, кто их произносит: «быти за одинь», «быти за одинь брать», «с тобой быти», «быти за обиду», «не отлучитися ни в добре, ни в зле», «сложити голову» и др. Как правило, они произносились при целовании креста или упоминались в повествовании Киевской летописи при указании на суть соглашения, скрепленного крестным целованием, до или после проведения самого ритуала. Одни формулы являлись более употребительными, другие – менее; некоторые можно объединить в группы: фразы, применявшиеся в ситуациях, когда было важно подчеркнуть единство, выразить благодарность или готовность принять участие в мероприятии.

В параграфе 2.2.1 анализируется формула «быти за одинь» в соглашениях Изяслава Мстиславича с черниговскими князьями Изяславом и Владимиром Давыдовичами, а также со Святославом Ольговичем. Она могла заменяться на более близкие устойчивые сочетания: «быти всимъ за одинь брать», «быти за одинь мужь»³¹, вероятно, она

---

³¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 366, 374, 375, 465.

имела окончание «...до живота» ('до смерти'), также присутствующее в «речах» этих правителей.

В параграфе 2.2.2 исследуется самая распространенная в тексте Киевской летописи формула «быти за обиду». Наиболее разнообразны варианты ее употребления в диалогах Изяслава Мстиславича и Гезы II. Использование этой формулы может быть как кратким, так и распространенным, например: «оже, брате, твоя обида, то не твоя, но моя обида, пакы ли моя обида – то твоя»³². В диалогах этих двух правителей наблюдается наибольшее разнообразие договорных формул в целом, в т.ч. оборот «всѣсти на конь (к тобѣ)», «твой щить и мои не розно еста», «намъ еси тако помогль, толико можеть такъ оучинити брать роженъи, или сынъ отьцю»³³.

В параграфе 2.2.3 рассматривается формула «не отлучитися»³⁴ ни в добре ни в зле», присутствующая в соглашениях Изяслава Мстиславича с Вячеславом Владимировичем и Владимиром Володаревичем³⁵. Слова договора и описание самой процедуры целования креста между Изяславом и Вячеславом приведены в Киевской летописи дважды, что может быть следствием как повторного изложения одного и того же события в скомпилированном тексте, так и того, что сам обряд был проведен дважды. Слова соглашения между Изяславом и Владимиром приводятся в летописи многократно ввиду детализированного изложения событий летописцем: он показывает как предварительные варианты, так и финальный текст договора. Эти особенности Киевской летописи дают возможность сравнить различные версии одного княжеского крестоцелования.

Параграф 2.2.4 посвящен формулам «ѣздити подлѣ», «всѣсти на конь», которые, как правило, используются в ситуации, когда необходимо обозначить готовность союзника принять участие в боевых действиях.

В параграфе 2.3 выделяется уникальная для Киевской летописи формулировка, подчеркивающая христианское единство правителей: «а мы есмъ по Бозѣ все кръстьяне – одна братья собѣ, а намъ подобаетъ всимъ быти съ себе»³⁶. Она вложена в уста польских и венгерских союзников Изяслава Мстиславича и отсылает к нехарактерной для дискурса Киевской летописи идее, но вполне укладывается в общев-

---

³² Там же. Стб. 408.

³³ Там же. Стб. 420.

³⁴ Вариант: «разлучитися».

³⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 417–418, 452–453.

³⁶ Там же. Стб. 387.

ропейский контекст подготовки ко Второму крестовому походу, в которую напрямую или косвенно были вовлечены западные союзники Изяслава Мстиславича.

В **параграфе 2.4** приводится анализ договорных формулировок статей, повествующих о событиях 1170–1190-х годов в Киевской летописи. В диалогах этого периода устойчивые формулы практически полностью сменяются на указания конкретных условий соглашения, сроки его действия, перечни конкретных городов, переходящих от одного князя к другому. Наиболее очевидное новшество – это появление в «речах» хронологических маркеров, например, предложения целовать крест до момента пока «любо ся оуладимъ, любо ся не оуладимъ»³⁷. В этих текстах можно встретить рассмотренное ранее выражение «всѣсти на конь»³⁸, появляется новая формула «кто мнѣ ворогъ, то и тобѣ ворогъ»³⁹.

Параграф 2.5 посвящен формулам, входящим в арсенал договоров между городом и князем, нашедшим отражение в Киевской летописи.

В **параграфе 2.6** рассматривается использование формул «быти за одинъ», «быти за одинъ братъ» в соглашениях новгородцев и псковичей в тексте Новгородской первой и близких ей летописей. Здесь они выражает единство, «братство» горожан (соседей или жителей другого города), извечные конфликты между которыми завершаются заключением договоров, близких тем, которые можно видеть в Киевской летописи у Рюриковичей. Схожим оказывается и арсенал устойчивых формулировок этих соглашений.

В **параграфе 2.7** проводится сравнительное исследование рассмотренных ранее формул Киевской летописи и близких им оборотов договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV веков. На схожесть договорных формул этого периода с теми, которые содержатся в древнейших русских летописях, впервые обратил внимание В.И. Сергеевич⁴⁰. Краткие устные формулировки, служившие символами мирного намерения и единения, на широком листе пергамента или бумаги трансформировались в изощренные пассажи, дополнявшие конкретные условия договора.

В **третьей главе «Родовая лексика “речей” Киевской летописи»** проводится анализ терминов родства, использованных во вторичном

---

³⁷ Там же. Стб. 689.

³⁸ Там же. Стб. 694, 697, 701.

³⁹ Там же. Стб. 701.

⁴⁰ Сергеевич В.И. Древности русского права. СПб., 1908. Т.2. С. 200–220.

значении в княжеских «речах» Киевской летописи, рассматриваются особенности их появления в источнике, прослеживается динамика и изменения в арсенале этой лексики в ходе повествования. Родственная терминология тесно связана с изученными нами в предыдущей главе договорными формулами, например, заключая соглашение «быти за одинь братъ» с Изяславом и Владимиром Давыдовичами, Изяслав Мстиславич называл каждого из них «братом». В отличие от рассмотренных во второй главе устойчивых сочетаний, родовая лексика широко представлена в Киевской летописи на протяжении всего повествования, ее также можно видеть в Лаврентьевской и Новгородской первой летописях. Во всех перечисленных источниках наблюдаются единые принципы использования родовой лексики во вторичном значении (например, зять называет тестя «отцом»), в то время как индивидуальные особенности различаются в зависимости от характера ситуации и предпочтений действующих лиц: один правитель имел склонность к использованию специфической пары терминов родства, другой – к употреблению определенных устойчивых оборотов с содержанием родовой лексики, часто на выбор нужного выражения влияла и политическая ситуация.

В **параграфе 3.1.** приведены основные особенности, характеризующие использование терминов родства в Киевской летописи.

Параграф 3.2.1 посвящен родовой лексике в обращениях. Это наиболее частая позиция для термина родства в княжеских «речах», что многое говорит об историческом контексте интересующего нас явления – один князь не становился другому (даже в переносном, политическом или метафорическом значении) «отцом» или «сыном», а лишь использовал соответствующую вежливую форму. Часто можно видеть, что в ближайшем к «речи» авторском повествовании летописец употребляет другой термин. Например: «Юрги же посла по сыновця своего, по Ростислава, Смоленску, река ему: “Сыну, мнѣ с кимъ Рускую землю оудержати?”»⁴¹. Поскольку фигурирующие в тексте исторические лица: Рюриковичи, западные правители, половецкие князья выстраивали свое политическое взаимодействие в кругу собственной семьи, а заключение династического брака составляло важнейшую часть политической жизни, использование обращения «отец» по отношению к тестю или дяде, «сын» – к зятю или племяннику, «брат» – к мужу сестры или близкому по возрасту дяде трудно рассматривать вне рамок семейного этикета. Наблюдение за динамикой

---

⁴¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 479.

использования терминов родства в обращениях и в авторской части текста ввиду их регулярного употребления дает дополнительные возможности для анализа характера составления текста.

Параграф 3.2.1.1 рассматриваются ситуации, когда для обращения использовался двойной термин. В такой паре, как правило, к слову «брат» добавлялся дополнительный элемент, например, «отец», «сын», «сват» или «господин». «Речи», в которых применяется пара терминов, наилучшим образом раскрывают индивидуальные особенности и предпочтения правителей. Например, Юрий Владимирович называл Изяслава Мстиславича «братом и сыном»⁴², а его сын Ростислав – «братом и отцом»⁴³.

Параграф 3.2.1.2 посвящен разбору тех ситуаций, в которых заметна асимметрия использования родовой лексики в обращениях. Наиболее известный пример можно видеть в описании взаимодействия Изяслава Мстиславича и Гезы II: вначале киевский князь называл своего зятя (здесь – мужа младшей сестры), венгерского короля, «братом», в финальной части взаимодействия – «сыном», в то время как последний всегда обращался к Изяславу «отец». Этот пример показывает, что использованная правителями терминология условно вертикального («отец», «сын») и горизонтального («брат») родства не воспринималась как взаимоисключающая, а спектр ее применения в рамках взаимодействия одних и тех же лиц был довольно широк.

Параграф 3.2.1.3 анализируются (в качестве материала для сопоставления) обращения в Галицко-Волынской летописи, в ней можно видеть множество примеров, близких Киевской летописи. В ее галицкой части (текст до статьи 1260 года Ипатьевской летописи включительно) в качестве обращений порой выступают слова «строю» ('дядя'), «сыновче» ('племянник'), что невозможно для «речей» Киевской летописи и может служить свидетельством ослабления жестких этикетных рамок в текстах галицких земель XIII в.

Параграф 3.2.2 посвящен случаям, когда в диалоге приводится дополнительное указание на родство или по отношению к говорящему: «Как N мнѣ сын / отец, так и ты», или к третьему лицу, помещающее его в особую родственную микрогруппу: «мнѣ n, а вамъ m так говорит...», где N – имя, n, m – «отец», «брат», «сын». Ряд летописных примеров показывает особую склонность Рюриковичей середины XII века к конкретизации конструируемых отношений и уподоблению их

---

⁴² Там же. Стб. 380.

⁴³ Там же. Стб. 373.

реально существовавшим связям, чаще с упоминанием ближайших кровных родственников. Например, Глеб Юрьевич говорит Изяславу Мстиславичу: «...ако мнѣ Гюрги отць, тако мнѣ и ты отць»⁴⁴. Связь, выбранная для сравнения, также может быть сконструированной, например, Вячеслав Владимирович говорит Ростиславу Мстиславичу: «...како мнѣ сынъ брать твои Изяславъ, тако ми ты»⁴⁵ (Изяслав стал «сыном» Вячеслава в результате договора между князьями).

В параграфе 3.2.3 детально анализируется терминология родства в договоре Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича, закреплявшем за участниками роли сына и отца, впоследствии этот договор был распространен еще и на Ростислава Мстиславича. В пластах текста, повествующих о действиях этих трех князей, летописец использует термин «отец» не только в обращениях Изяслава и Ростислава к Вячеславу в составе «речей», но и в повествовательном тексте летописи, что уникально для Киевской и других домонгольских летописей. Это особое внимание автора к отношениям Изяслава, Ростислава и Вячеслава отчасти раскрывает и замысел его труда. Летописец хотел продемонстрировать действенность описанного им обряда, показать, что в результате него не просто изменились отношения князей, но они в буквальном смысле стали «отцом» и «сыновьями».

В параграфе 3.2.4 рассматриваются соглашения, описанные в Киевской летописи при помощи выражений «нарещи отцьмь», «имѣти отцьмь». Это, прежде всего, диалоги Андрея Юрьевича и братьев Рюрика, Романа и Мстислава Ростиславичей, в которых говорится о «наречении» Андрея «отцом», обещание жителей Полоцка «яко имѣти отцьмь» Святослава Ольговича. Ряд упоминаний приходится на описание событий второй половины 1150–1170-х годов, летописец не раскрывает подробно процедуру каждого такого договора, лишь указывает на них в повествовательном тексте или в относительно кратких княжеских «речах», что можно отнести к специфическим особенностям изложения событий составителем этих статей Киевской летописи.

В параграфе 3.2.5 анализируются летописные сравнения определенных черт или действий с отцовскими, например: «Приде же вѣсть Рюрикови о сѣмърти Романовѣ и печални бѣвше и плакашася по немь, аки по отци, бѣ бо ихъ старѣи...»⁴⁶. Сравнение с отцом в плаче по погибшему старшему брату относится скорее к традиционным формам

---

⁴⁴ Там же. Стб. 395.

⁴⁵ Там же. Стб. 422.

⁴⁶ Там же. Стб. 617–618.

описания ритуала оплакивания, чем к использованию форм метафорического родства и не зависит от сложившихся при жизни отношений, их включение в летопись характеризуется большей трафаретностью.

Параграф 3.2.6 посвящен языковой конструкции «быти в отца мѣсто». Можно говорить об устойчивом характере этого оборота в домонгольское время, и о том, что оно использовалось в различных слоях социальных элит.

В **параграфе 3.3** рассматривается динамика использования терминов родства во вторичном значении в «речах» Киевской летописи. Они употребляются на протяжении всего повествования, во всех случаях прослеживаются одни и те же принципы использования этих терминов (например, обращение «сын» к племяннику, сравнение старшего брата с отцом и др.), однако характер их употребления различается, так как разнятся социальные и политические ситуации, возникавшие на протяжении XII века.

В **параграфе 3.3.1** анализируются термины родства, которые используются во вторичном значении в княжеских «речах» статей 1146–1154 (6654–6662) годов. На этот период приходится самый длительный и наиболее детализировано изложенный в летописном тексте конфликт домонгольского времени – противостояние Изяслава Мстиславича с дядей Юрием Владимировичем. Благодаря подробному характеру летописи, можно видеть, как каждый из противников применял термины родства в «речах» к союзникам, как лидеры коалиций обращались друг к другу.

Параграф 3.3.2. рассказывает об использовании терминов родства во вторичном значении в княжеских «речах» статей 1174–1196 (6682–6704) годов. В этот период, согласно Киевской и Лаврентьевской летописям, между Рюриком Ростиславичем, Святославом Всеволодичем и Всеволодом Юрьевичем поддерживается напряженный мир, перемежающийся конфликтами, которые, однако, описаны не столь подробно, как рассмотренный ранее; родственная лексика в обращениях князей обнаруживает меньшее разнообразие, число устойчивых оборотов с ее использованием падает.

В **параграфе 3.3.3** анализируется использование определений «старѣишии» («старший») и «моложьшии» («младший», «меньший») в тексте Киевской летописи в свете особенностей княжеской семейной политики домонгольского периода. Эти определения чаще применяются не для демонстрации власти одного над другим, а как часть риторики мирного взаимодействия: «меньший» – тот, против которого нельзя от-

крыто выступать «старшему», причем этот особый статус может помочь княжичу и в деле примирения полновластных правителей.

Параграф 3.4 посвящен использованию терминов родства во вторичном значении в духовной литературе XII века. Обращение к ней помогает поместить интересующее нас явление в среде Рюриковичей в соответствующий временной контекст. Люди церковного звания использовали данную лексику так же часто, как и русские князья, но полагались при этом на иные этикетные правила, в основе которых – принципы духовного братства, учительства и покровительства. Несмотря на эту разницу, конкретные способы ее употребления близки княжеским. Например, и для этой среды характерно использование нескольких терминов родства подряд при обращении, причем можно заметить, что нередко все, кроме первого, применялись факультативно.

В **параграфе 3.5** рассмотрены термины родства во вторичном значении в духовных и договорных грамотах русских князей XIV–XVI вв. В этих документах слова «отец» и «сын» оказались вытеснены более подходящими для обозначения статуса сторон терминами «брат старѣишии», «брат молодшии», а ключевая фраза грамоты, определявшая политические позиции, содержала обязательные упоминания и о родных братьях и детях участников. Как можно видеть, старые языковые формы продолжают применяться для маркирования отношений, но при этом неизбежно меняется характер их употребления.

В **Заключении** подводятся итоги исследования и суммируются основные выводы. Результаты изучения динамики использования терминов родства и договорных формул позволяют иначе взглянуть на пласты основного (оригинального) источника Киевской летописи, повествующего о событиях с 1140-х гг. по конец XII века. Многочисленные «речи» князей, содержащиеся в его составе, обладают целым рядом характеристик, которые делают сомнительным их позднее конструирование: домысливание событий и литературная правка, даже если бы они проводилась в конце XII века, неминуемо привнесли бы в текст совершенно другие устойчивые обороты и обращения. Тем сложнее утверждать формирование значительной части пластов этого текста в еще более позднюю эпоху XIII или XIV–XV вв., когда те же самые устойчивые обороты и княжеский этикет полностью изменили свои формы. Таким образом, остается предположить, что текст основного источника Киевской летописи является результатом поэтапного внесения записей авторами, которые являлись современниками описываемых событий.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ АВТОРА:

Статьи в ведущих рецензируемых изданиях

1. Лавренченко М.Л. О возможности употребления терминов родства по отношению к родственникам жены в древнерусском обществе // «История» Электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 7 (15): История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. [Электронный ресурс: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000177-3-2/>, дата обращения: 31.05.2021].
2. Лавренченко М.Л. «Быти всѣм за один брат». Прагматика терминов родства в диалогах Киевской летописи (1146–1154) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. №1 (55). С. 43–57.
3. Лавренченко М.Л. «Приятели» русских князей (По текстам летописей за XII век). // Славяноведение. 2015. № 2. С. 96–108.
4. Лавренченко М.Л. Термины родства в политической жизни Древней Руси // Вестник Нижегородского гос. университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. №3. С. 42–55.

Другие публикации

5. Лавренченко М.Л. Милость христианского правителя к нищим: государство Каролингов и Древняя Русь // Россия и Запад. Источники и методы их изучения. Мат-лы научн. конф. (Москва, 26–28 ноября 2008 г.). / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 78–81.
6. Лавренченко М.Л. Родовая модель управления политическим союзом: Изяслав Мстиславич в войне с Юрием Долгоруким // Образ войны в общественной мысли славянских народов эпохи Средневековья и раннего Нового времени / Под. ред. О.А. Акимовой. М.: Индрик, 2012. С. 40–46.
7. Лавренченко М.Л. Завещание Владимира Васильковича: следование семейной традиции Рюриковичей или новаторская идея бездетного князя? // Colloquia Russica. Русь в эпоху монгольских нашествий (1223–1480). Мат-лы 3-й междунар. научн. конф. (Варшава, 15–17 ноября 2012 г.) / Под. ред. В. Нагирного. Krakow: Uniwersytet Jagielloński, 2013. Seria 1.Vol. 3. С. 94–101.
8. Лавренченко М.Л. Родство и власть в языке Галицко-Волынской летописи // Письменность Галицко-Волынского княжества. Историко-филологические исследования. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2016. С. 33–46.

9. Лавренченко М.Л. «Отцовство» в древнейших русских летописях // *Studia Historica Europae Orientalis*. 2016. № 9. С. 52–67.

10. Лавренченко М.Л. Ономастические данные о двух семействах тысяцких в Великом Новгороде XIII–XIV вв. // *Rossica Olomucensia. Časopis pro ruskou a slovanskou filologii*. Olomouc, 2016. №2 (55). С. 43–62.

11. Лавренченко М.Л. Устная речь и публичная коммуникация: к вопросу о княжеских речах Киевской летописи // *Восточная Европа в древности и средневековье*. Вып. XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 165–169.

12. Лавренченко М.Л. По следам «Борисовой чади» // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2017. №3 (69). С. 70–71.

13. Лавренченко М.Л. «Братья» новгородцы – соседи или союзники? // *Восточная Европа в древности и средневековье*. Вып. XXIX: Античные и средневековые общности. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 124–127.

14. Лавренченко М.Л. «Братоучадо» Русской Правды и роль брата матери в домонгольской Руси // *Древнейшие государства Восточной Европы, 2016 год: Памяти Галины Васильевны Глазыриной*. / Под ред. Т.В. Гимона, Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельниковой, А.С. Щавелева. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2018. С. 230–272.

15. Лавренченко М.Л. Третьейский суд «чужого» родственника: Пясты и Рюриковичи в XII веке // *Восточная Европа в древности и средневековье*. XXX Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 177–181.

16. Лавренченко М.Л. Побратимство в средневековой Руси: влияние традиций и их восприятие // *Colloquia Russica. Русь и мир кочевников (Вторая половина IX–XVI в)*. Мат-лы 6-й междунар. научн. конф. (Пльзень, 23–26 ноября 2016 г.) / Под. ред. В. Нагирного. Krakow: Uniwersytet Jagielloński, 2017. Vol. 6. С. 313–323.

17. Лавренченко М.Л. «Всякъ попь братъ есть попу»: термины родства в диалогах церковных и монастырских деятелей Древней Руси XI–XIII вв. // *Colloquia Russica. Религии и верования Древней Руси (IX–XVI вв.)* Мат-лы 8-й междунар. научн. конф. (Львов, 5–8 ноября 2017 г.) / Под. ред. В. Нагирного. Krakow: Uniwersytet Jagielloński, 2018. Vol. 8. С. 159–168.

18. Лавренченко М.Л. Обращения и договорные формулы в диалогах Рюриковичей (по материалам Киевской летописи) // *Polska, Ruś i Węgry: X–XIV wiek* / Ed. by D. Dąbrowski, A. Jusupović, T. Maresz, Kraków: Avalon, 2018, С. 155–177.

19. Лавренченко М.Л. Титулы и эпитеты правителей в русских летописях и польских хрониках XI–XIII вв. // *Colloquia Russica. Русь и Польша (X–XIV вв.)* Мат-лы 9-й междунар. научн. конф. (Перемышль, 5–8 декабря 2018 г.) / Под. ред. В. Нагирного, Т. Пудлоцкого. Krakow: Uniwersytet Jagielloński, 2019. Vol. 9. С. 183–196.

20. Лавренченко М.Л. Термины родства и договорные формулы в политике Рюриковичей XII–XV вв. // *Древнейшие государства Восточной Европы, 2019–2020 годы: Дипломатические практики античности и средневековья* / Отв. редактор тома Б.Е. Рашковский. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020. С. 232–255.

21. Добровольский Д.А., Лавренченко М.Л. «Еже двѣ сестреницѣ поимати мужеви»: близкородственные браки в древнерусской антилатинской полемике и социальных практиках средневековой Европы // *Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XXXIII: Роль религии в формировании социокультурных практик и представлений. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 83–87.*